

Сергей

Лешаков

ЗЁРНА СВЕТА

* * *

Скажи мне, что мебель слышит свою листву,
 а окна помнят время без стекол и рам.
 Лишь мы вдвоем знаем, как нас зовут,
 пока будильник не каркнет: «Вставать пора!»
 С годами воздух тревожней и солоней;
 вдыхая предчувствия, старимся изнутри,
 как будто на сердце лёг литер газет свинец...
 Но двое делятся без остатка на три.
 Машина, вращаясь, берёт пейзаж взаймы.
 В разлуке – скука, хоть столб завяжи узлом.
 На яблоке – пятна, как след от укуса зимы,
 но витамины, пусть и с нитратами – меньшее зло.
 Мы умираем, когда произносим: «Всё...»
 Но вечен, ведь словом последним: «Ты!»
 Из эпицентра душа к твоей доползёт,
 когда взрыв-вспышка сожрёт всё в честь пустоты.
 И если хоть два одноклеточных переживут
 час, когда море уйдёт всё в слово «тоска»,
 в них две души вернуться вновь к естеству,
 где ритм движений кратен пульсу виска.

* * *

Не ждать и на окне не жечь свечей,
 жить без тебя казалось преступлением.
 Но тусклый снег был все же просветлением
 в том черном одиночестве ночей.
 И, говоря со стенами на ты,
 Я забывал, с чего я начал фразу.
 И растворялся вверенный мне разум
 в безумии квартирной пустоты.
 И трепыхалась форточка в окне.

И сон и явь мне были бесполезны
 в своей необходимости железной.
 И ночь крестом лежала на спине.
 Всю жизнь свою опять к утру пройдя,
 душой я становился вдвое старше,
 и выходил на снег под звуки марша,
 сняв куртку с одинокого гвоздя.
 Вне дома прекращал до темноты
 борьбу с бессонницей и одеялом.
 Спешили люди. Нехотя светало.
 Проспект в метели выглядел пустым.

* * *

Листвы порыжелой масть
 на тёмных стволах жжёт глаз.
 Как в ересь, в прогулки впасть,
 когда во весь стол – дела.
 А бревна домов черны,
 их сырость, как пыли – месь.
 Луна, как живот весны,
 в котором сын – гомон весь.
 Край неба – платья подол,
 полоска заката – плоть.
 Налив тишины со льдом,
 не вытравить звёзд, как блох.
 Глух ветер, как пёс пустот,
 скрип петель ему – не цепь.
 Ворвётся он в эпизод,
 где хлипкий прохожий – цель,
 но путника не сгрызёт,
 и – мимо, топча листву.
 Дом чужд стихийных красот,
 храня до утра молву.

* * *

Умом понимаю,
 что нет в моей клетке грудной
 кувшина прозрачного
 со светящейся жидкостью чувства,
 но так представление ярко,
 будто он постоянно со мной,
 его ощущаю так явно,
 что рад обмануться.
 Пусть чувство в кувшине
 порой превращается в яд,

пусть стенки его из мечты
эфемерной, непрочной,
он капелькой света
в груди продолжает стоять,
даруя возможность
боль прошлого превозмочь мне.

* * *

носить с собою твою
маленькую комнату-копию
во внутреннем кармане
рядом с сердцем
и доставать этот кубик
с прозрачными стенами
и рассматривать
две наши уменьшенные копии
любящие друг друга

* * *

лишь нежность становится
ягодой цветка любви
она живёт в доме
из запаха
из апельсиновых кожурок
она качается на качелях из паутины
она сегодня приглашена
на свадьбу тумана
и цветущей вишни

* * *

но если кто-то стал городом
то кто-то из дочерей снов солнца
станет его весной душой
попробуй снять с меня
маску города
и из моих глаз в твои ладони
упадёт лето
и нежность воспитает любовь

* * *

мысль возвышенная
это радость устремлённая
читал небо
для радости жил

загорал у бумажной реки
стихов и верлибров
лампа счастья горит

* * *

Сквозь скуку автобусных окошечек,
пытаясь догнать уводящий закат,
спешу я сквозь гулкую лексику лестниц.
Вглубь комнат торопится эхо звонка.
Открыты и пристальны чистые стены.
Всё – фоном, всё вторит сомненьям и снам.
И облик твой светится миру отдельно,
и музыка слова, парящая над...
Сидишь, нарушая обыденность жеста,
и броскость одежд, и манерный излом.
И мука признания – форма блаженства.
Соавторству звёзд не мешает стекло.

* * *

К утру пространство насытилось белизной.
Дом ярок, как перед стартом в прожекторах.
Но в джунглях предметов ты в тишине со мной –
в твоих вещичках, как самоутраты страх.
На хрупкой вазе сеть трещин – уже предлог –
задвинуть от неуклюжести рук гостей.
А память способна вызвать любой подлог,
за твой выдавая бреда ночного текст.
А руки помнят такое, что им нельзя, –
горячую свежесть кожи, сжимая мрак.
Хватает ветер меня, но не может взять
и перебросить с улицы во вчера.

* * *

У меня в запасе была дверь в никуда,
в которую мог легко уходить от всех,
и существовать в нигде почти без вреда,
свой собственный мир творя без помех.
Живя в специальном веществе стихов,
в образах обретая связь всего со всем, –
это мир поэзии без берегов,
это радужных чувств горящий кисель.
А когда в реальный мир возвращаешься вновь,
и привыкаешь опять к оболочкам людей,
то не можешь привыкнуть, мир кажется сном,
и поэтому скучно вокруг глядеть.

Эта дверь в специальное вещество
 может быть и окном, и предметом любим,
 уводящим во внутренний небосвод,
 чтоб внутри себя новый мир лепить.
 Но зайти в себя и вернуться живым
 не у всех получается, не всем везёт,
 а вернёшься, и видишь в реальности швы,
 которые Бог вот-вот разорвёт.
 Этот мир оболочек – всего лишь фон,
 декорация, которую вот-вот уберут,
 и проявится вечная форма без форм,
 заменив сияньем объёмов игру.

* * *

дым трясёт собой в веках
 стали и стекла
 сжав весь мир зимы рука
 космос превзошла
 а микроб луны во мне
 разрушает страх
 по ступенчатой стене
 бродят тени трав
 скошенных моей строкой
 на просторах грёз
 взглядами толпы Горгон
 небосвод примёрз
 к льдистым языкам стекла
 что торчат из сна
 мира где огнём текла
 ты во мне одна

* * *

Рассвет, появляясь, как витязь на красном коне,
 Собой наполняет весь мир, но он – не ко мне.
 Во мне продолжается день нашей встречи и ночь,
 Сиянье безумное памяти мне не превозмочь.

Как будто две бабочки влетели в огромный цветок,
 В квартирку обычную – в сказочный пузырек.
 И пахнет тот день и та ночь, словно сад неземной.
 Незримая мельница памяти надо мной.
 Минуты с тобой – зерна света все мелет она.
 Пятиэтажку разбитую вижу я из окна.

И осень играет лучами на желтой листве.
 Но длится безумное лето в моей голове.

* * *

Лето кружится на карусели.
В счастье вляпаться все же успели:
в дырку сыра, в квартирку – пузырь.
В пузырьке том,
в цветочке бетонном
золотая пыльца страстных стонов –
в царской нежности полночь форсит.

Память ласки – в парче поцелуев.
В маске света тела.
Время – клумба
наших дней, расцветающих вновь.
И нежней карандашных касаний –
кожа, ставшая небесами.
Лепестками дышит любовь.

Смуглый, гибкий, текучий алмаз мой –
вижу так тебя всю третьим глазом,
моим зрением тысячи чувств.
Повторением невероятным
и пыланием непонятым;
стаей тайны к тебе я лечу.

* * *

Я увеличил в этом мире массу радости
своей поэзией о праздничной любви.
И расцвели сады словами страстными,
Цветами ставшими.
Преобразился вид
на город юный:
словно фантастический,
в воспоминаниях одет он, как в парчу.
Минуты встреч,
в немыслимом количестве,
блистают слайдами волнительных причуд.

Как будто фильм о нас – на каждой улице,
ни для кого не зримый, кроме нас.
И кажется: вновь те минуты сбудутся –
весь город прошедший, что волшебней сна.

На остановке, где обычно расстаемся мы,
брошаю крошки я веселым воробьям.
Свет звезд на сердце падает из космоса –
помочь в поэзии моей сиять словам.

* * *

В ярком солнце так блистает снеготаянье –
ещё в белом, среди сверкания ручьёв.
И опять извечный смысл обретается,
словно снова сердцем в детство вовлечён.
Я, как будто детский мозг, сегодня радостный,
выздоровливает прошлое во мне.
Законный тополь, как пейзажа градусник,
мне показывает радость, скинув снег.
И душа, от прежней гордости свободная,
не цепляясь ни за славу, ни за быт,
подчинясь ручьёв и солнца хороводу,
всё твердит мне, что я детством не забыт.
Догоняют ум дни юности весенние,
своей яркостью высвечивая всё,
претворяя в смыслы жизни невезение,
что в поэзию судьбу вдруг вознесёт.
Не напрасны даже мелкие страдания,
а тяжёлые, коль не озлобят нас,
приближают к Богу. В трудных испытаниях
обретает смысл величие в словах.
Мир поэзии весною полон детскостью,
и слова в нём, словно свежая листва,
распускаются звучаньем непосредственным,
и прозрачна у поэта голова.

Сергей Лешаков родился в 1961 году в Челябинске. Учился в художественном училище в Нижнем Тагиле, работал художником-оформителем, журналистом, педагогом литературного творчества. Окончил Высшие литературные курсы. Публиковался в журналах «Литературная учеба», «Простор», «Византийский ангел», «Нива». Автор поэтических сборников «Город-муляж» (Костанай, 1999), «Скрипящий снег» (Вологда, 2000), «Палочками дождей» (Челябинск, 2000), «Только свет остаётся» (Рудный, 2007), «Танго золотого света» (Костанай, 2005), «Красоте в ответ» (Рудный, 2016). Живет в городе Рудном Костанайской области.

